№ 3. 13-ое января 1878 года. **Годъ X.**

Развлеченіе

Ridendo castigo mores

Журналъ юмористическій съ каррикатурами



Лягушка (*надуваясь*). «Смотри-ка, квакушка, что, буду-ль я съ него?»
(*Лягушка и Волъ. Крылова*).

Томъ XXXIX.



ТРАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

(разсказъ экс-судебнаго слѣдователя)

(*Посвящается П. Г. Ч.*).

Иногда бываютъ странныя совпаденія обстоятельствъ. Въ 186. году, когда появился одинъ извѣстный романъ, надѣлавшій довольно много шума въ Россіи, на моихъ глазахъ профигурировалъ довольно оригинальный случай. Въ это время я служилъ становымъ приставомъ въ страшной глуши, въ С—ской губерніи, и станъ, или участокъ мой, находился не въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, а въ уѣздѣ, въ селѣ Гнилуши. Попалъ я на эту должность по бѣдности. По выходѣ изъ университета я прибылъ въ глушь на родину и зачислился въ штатъ канцеляріи губернатора; у меня было семейство, а жалованье писца было такъ мизерно, что жить на него было невозможно и я nolens-volens долженъ былъ занять первое открывшееся штатное мѣсто становаго пристава, вопреки собственному желанію служить въ самомъ губернскомъ городѣ. Однажды, въ началѣ зимы, какъ-то утромъ, разсыльный доложилъ мнѣ, что пришелъ какой-то человѣкъ, желающій меня видѣть. Я позвалъ его къ себѣ. Въ комнату вошелъ мужчина средняго роста, за сорокъ лѣтъ, брюнетъ, съ сильною просѣдью въ волосахъ на головѣ, усахъ и бородѣ. Не смотря на зимнюю пору, онъ былъ одѣтъ въ одно холодное старое драповое пальтишко, повидимому замѣнявшее ему и зимнее, и лѣтнее платье. Онъ дрожалъ отъ холода и жалъ руки, чтобы согрѣть ихъ. Узенькія сѣренькія брючишки его были вложены въ истоптанные солдатскіе сапоги, съ рыжими короткими голенищами. Сначала я принялъ незнакомца за какого нибудь мѣщанина или мастероваго, хватившаго въ костюмѣ цивилизаціи и спившагося съ кругу; но потомъ, всмотрѣвшись поближе, я догадался, что имѣю дѣло съ субъектомъ другой интелигенціи. «Нѣтъ, это должно быть изъ благородныхъ и человѣкъ не глупый», умственно замѣтилъ я, судя по его чернымъ, энергичнымъ и умнымъ глазамъ, широкому правильной формы лбу, складу губъ и красивому тонкому носу.

— Что вамъ отъ меня угодно? спросилъ я его.

— Я отставной коллежскій ассесоръ Константинъ Осиповичъ Такой-то.

Онъ назвалъ самую простую русскую фамилію à la Ивановъ, Петровъ ... тавши изъ боковаго кармана пальт... кбѣ, подалъ мнѣ его.

Въ аттестатѣ значилось, что Константинъ Осиповичъ изъ дворянъ, сорока двухъ лѣтъ, получалъ жалованья 330 руб. въ годъ, имѣетъ болѣе сотни десятинъ земли, родовыхъ, въ Н—ской губерніи, что онъ женатъ вторымъ бракомъ на какой-то Антонинѣ Пантелеймоновнѣ, но дѣтей не имѣетъ. Далѣе слѣдовало прохожденіе службы: Константинъ Осиповичъ учился въ университетѣ, но не окончилъ полнаго курса и по выдержаніи испытанія въ одной губернской гимназіи на званіе учителя исторіи и географіи, былъ опредѣленъ учителемъ этихъ предметовъ въ К—ское уѣздное училище О—ской губерніи; за тѣмъ онъ былъ награждаемъ чинами до коллежскаго ассесора включительно, благодарностями, денежными наградами и, наконецъ, согласно прошенію уволенъ въ отставку. Во время служенія Константинъ Осиповичъ аттестовался способнымъ и достойнымъ и не былъ ни въ штрафахъ, ни подъ судомъ и слѣдствіемъ. Прослуженіе имъ около двѣнадцати лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ въ уѣздномъ городѣ К—скѣ доказывало его миролюбивый характеръ, такъ какъ людей характера строптиваго или мало способныхъ, какъ мнѣ было извѣстно, большею частію гоняютъ изъ города въ городъ, изъ мѣста на мѣсто.

Прочитавши аттестатъ, говорившій въ пользу Константина Осиповича, я повторилъ ему свой вопросъ: что же ему отъ меня угодно?

— Вы видите, началъ Константинъ Осиповичъ,— въ какомъ я положеніи... Что на мнѣ, то и со мною... Жену свою я оставилъ въ К—скѣ, О—ской губерніи, но не вслѣдствіе семейныхъ несогласій, а... мнѣ необходимо было побывать на родинѣ, въ Н—ской губерніи, по этому я вышелъ въ отставку и поѣхалъ туда... Но дорогою... (Константинъ Осиповичъ замялся). Дорогою,—продолжалъ онъ,—со мною случилось происшествіе... Боюсь, что вы мнѣ не повѣрите, такъ какъ всѣ проходимцы, къ которымъ принадлежу теперь и я, ссылаются обыкновенно на случай кражи... Меня, дескать, обокрали... Уловка извѣстная... Но меня не обокрали, а случилось еще болѣе неправдоподобное... Я потерялъ гдѣ-то свой чемоданъ и сумку, въ которой были деньги. Хватился я ихъ поздно, р[illegible] напраснымъ и, имѣя въ кошелькѣ нѣсколько рублей и осеннее на себѣ платье—рѣшился пуститься въ путь пѣшкомъ. Дорогою я хворалъ, перебылъ нѣсколько дней то въ одной деревнѣ, то въ другой, издержался черезъ это окончательно, такъ что принужденъ былъ продавать съ себя платье, и вотъ кое-какъ, весь окоченѣлый, приплелся къ вамъ въ Гнилуши. Бога ради, помогите мнѣ!... Я слышалъ, вы нуждаетесь въ писцѣ или письмоводителѣ: примите меня для занятій въ свою канцелярію!... По-

ложимъ, я никогда не служилъ по слѣдственной части, но мнѣ кажется, я скоро пойму свои обязанности, могу снимать подъ вашимъ руководствомъ показанія и вести книги. Я готовъ на самое скудное вознагражденіе, лишь бы не умереть съ голоду. Между тѣмъ, я спишусь съ арендаторомъ своей земли въ Н—ской губерніи, съ женою... Даю вамъ честное слово, я буду исполнителенъ, усерденъ и вы останетесь мною довольны. Не откажите въ просьбѣ бѣдняка.

Убѣдительная просьба Константина Осиповича тронула меня; къ тому же онъ обратился ко мнѣ кстати: время шло къ составленію годоваго отчета, занятій у меня въ канцеляріи было бездна и я дѣйствительно нуждался въ хорошемъ, неглупомъ писарѣ.

Константинъ Осиповичъ былъ принятъ.

Новый мой сослуживецъ вполнѣ сдержалъ свое слово. Въ продолженіе недѣли онъ совершенно усвоилъ весь канцелярскій механизмъ и трудился съ утра до вечера такъ неутомимо, что обогналъ всѣхъ своихъ товарищей и я положилъ ему самый высшій окладъ жалованья— пятнадцать рублей. Я былъ въ высшей степени имъ доволенъ. Одна только несообщительность Константина Осиповича производила на меня непріятное впечатлѣніе. Я видѣлъ въ немъ человѣка неглупаго, не безъ образованія, самъ скучалъ въ деревнѣ и по этому искренно желалъ товарищескаго сближенія. Я предлагалъ ему у себя столъ и квартиру, но все было тщетно: Константинъ Осиповичъ не поддавался, отъ всего отказывался и старался по окончаніи занятій въ канцеляріи юркнуть въ свою квартиру незамѣтно отъ меня.

Такъ прошло время до Рождества. Наступили святки. Я далъ своимъ служащимъ три дня отдыха, а на четвертый, по множеству занятій, просилъ приходить. Въ назначенный срокъ они всѣ явились, исключая Константина Осиповича, который по своей несообщительности не приходилъ ко мнѣ даже, по обычаю, поздравить съ праздникомъ. На пятый день его тоже не было, на шестой—тоже. Дѣлать было нечего, я послалъ разсыльнаго узнать, что съ нимъ?...

Разсыльный принесъ мнѣ странную новость: хозяйка Константина Осиповича сообщила, что квартирантъ ея ушелъ изъ дому еще наканунѣ Рождества Христова и что до сихъ поръ онъ не возвращался; при этомъ она прибавила, что предполагала, будто бы онъ находится у становаго пристава, то-есть у меня, и черезъ это не особенно безпокоилась. Это извѣстіе сильно меня встревожило: я припомнилъ, что въ послѣдніе дни нашего свиданія Константинъ Осиповичъ былъ особенно задумчивъ и сосредоточенъ, точно въ меланхоліи.

Начались разспросы, дознанія, розыски пропавшаго, аттестатъ котораго объ отставкѣ былъ у меня, и лишь послѣ Крещенія, числа 8-го января, найдено было за селомъ, близъ лѣса, на рѣкѣ около проруби, устроенной для водопоя скота, платье Константина Осиповича: пальто, брюки и пріобрѣтенный имъ въ Гнилушахъ овчинный полушубокъ. Заключили, что несчастный утонулъ. Стали отыскивать его трупъ въ проруби и въ другихъ мѣстахъ, куда по предположенію волны могли прибить трупъ, но трупа не нашли. Наступила и весна: при вскрытіи рѣки трупа тоже не оказалось. Между тѣмъ о происшествіи я составилъ рапортъ и донесъ по принадлежности земскому суду и извѣстилъ оффиціальною бумагою жену Константина Осиповича, проживавшую въ городѣ К—скѣ, О—ской губерніи. Земскій судъ донесъ о происшествіи Уѣздному и послѣдній положилъ резолюцію: дѣло предать волѣ Божіей и сдать въ архивъ.

II

Прошелъ годъ. Наступили судебныя реформы; открылась новая должность судебнаго слѣдователя. Я имѣлъ на нее право по своему образованію и мнѣ она дана была въ первомъ участкѣ губернскаго города О—а. По пріѣздѣ въ О—ъ, судьба меня столкнула съ старымъ университетскимъ товарищемъ, нѣкогда закадычнымъ другомъ, Викторомъ Петровичемъ Буринскимъ, тоже получившимъ должность судебнаго слѣдователя, но только не въ самомъ О—ѣ, а въ уѣздномъ городѣ К—ѣ, той же губерніи. Встрѣтились мы въ канцеляріи губернскаго прокурора. Мы дѣтски обрадовались другъ другу. Вопросамъ не было конца.

— Ты вѣдь не знаешь,—воскликнулъ Буринскій,— я, братъ, женатъ...

— На комъ? какъ-то безсознательно спросилъ я.

— Ты вопросъ предлагаешь оффиціозно,—смѣясь, замѣтилъ Буринскій,—ну, изволь: на вдовѣ, коллежской ассесоршѣ Павловой, зовутъ Антонина Пантелеймоновна; а не оффиціозно—на прелестнѣйщей въ мірѣ женщинѣ, которую я люблю и обожаю... Самое же лучшее: поѣдемъ ко мнѣ обѣдать... Ты увидишь ее...

Я согласился.

Буринскій занималъ временную квартиру въ номерѣ гостинницы, почти рядомъ съ домомъ прокурора. Когда мы вошли въ номеръ, меня поразилъ сильный запахъ ладана; передъ иконою горѣла лампада, на столѣ лежало нѣсколько опаленныхъ тонкихъ восковыхъ свѣчъ. Замѣтивъ, что я обратилъ вниманіе на эту обстановку, Буринскій предупредилъ меня:

— А! сказалъ онъ,—вѣрно Антонина служила панихиду по мужѣ... Да, сегодня ему годовщина.

Номеръ квартиры былъ обыкновенный трактирн...

состоявшій собственно изъ одной комнаты, но раздѣленный перегородками для передней и спальни. Изъ послѣдней конурки къ намъ вышла очаровательная молодая женщина, не старѣе двадцати двухъ лѣтъ, шатенка, съ немного блѣднымъ матовымъ лицомъ французскаго типа, съ черными умными глазами, пышнымъ заманчивымъ бюстикомъ и роскошными золотистыми волосами, слегка подобранными на вискахъ и откинутыми волнообразно на спину.

Буринскій представилъ меня женѣ. Она привѣтливо поклонилась и проговорила комплиментъ, что очень рада меня видѣть, много наслышавшись обо мнѣ отъ мужа.

Между мною и Буринскимъ завязался, такъ сказать, служебный разговоръ. Антонина Пантелеймоновна хлопотала угостить насъ кофеемъ. Личико ея было задумчиво, грустно.

— Антонина!—сказалъ ей мужъ,—право, я на тебя разсержусь и стану ревновать... Вотъ, странная женщина! обратился онъ ко мнѣ,—извини, что я тебя посвѣщаю въ свои семейныя тайны. Она вышла замужъ восемнадцати лѣтъ за человѣка немолодаго, старше ея вдвое, болѣе по чувству уваженія къ нему и по житейскимъ обстоятельствамъ, чѣмъ по любви. Года два они прожили тихо и мирно. На третій годъ я познакомился съ ними. Антонина мнѣ понравилась съ перваго взгляда, я влюбился въ нее какъ безумный. Съ своей стороны Антонина отвѣчала мнѣ взаимностью... Вѣдь это правда? спросилъ Буринскій жену.

Та утвердительно кивнула головою.

— «Но, продолжалъ онъ,—мы не только не были преступны противъ мужа и не вступали ни въ какія сколько нибудь короткія отношенія, а напротивъ, мы старались не сближаться и избѣгать всѣхъ возможныхъ случаевъ къ объясненію. Причиной этому было то, что мужъ ея былъ глубоко достойный человѣкъ, обоюдно нами уважаемый и почитаемый. Откровенно скажу тебѣ, я вовсе не хочу представляться предъ тобою праведникомъ. Будь онъ субьектъ другаго сорта, я и не задумался бы ухаживать и отбивать у него Антонину, но противъ него—это было бы крайне безсовѣстно. Онъ любилъ ее нравственно и разумно. Между тѣмъ, любовь моя къ Антонинѣ дошла до зенита... Что мнѣ было дѣлать при сказанныхъ отношеніяхъ?... Я рѣшился бѣжать изъ К—а, гдѣ я съ нею встрѣтился... Какъ вдругъ... Не знаю, замѣтилъ ли что между нами ея мужъ, или нѣтъ, но онъ измѣ[illegible]ъ хандрить, пересталъ ходить на [illegible] учителемъ), вышелъ [illegible]ецъ, уѣхалъ на свою [illegible]Антонину въ К—ѣ и [illegible]дъ отъѣздомъ ее моей заботливости и охранѣ. У него было около трехъ тысячъ денегъ; онъ не взялъ ихъ и передалъ Антонинѣ, а съ собою взялъ лишь на проѣздъ рублей шестьдесятъ не болѣе. По поводу этого бѣгства мы очутились съ Антониною еще въ болѣе странныхъ отношеніяхъ. Но они продолжались недолго, всего четыре мѣсяца. Неожиданно Антонина, въ одно утро получила оффиціальную бумагу о смерти своего мужа... Это ее огорчило, но я былъ при ней почти неразлучно, и по окончаніи шести недѣльнаго траура она вышла за меня замужъ. Вотъ тебѣ подробная исторія нашего брака. Разгадай теперь сердце женщины... Будучи замужемъ за первымъ мужемъ, Антонина сердечно предпочла его все таки мнѣ, влюбившись въ меня; теперь, ставши моею женою, когда первый мужъ ея умеръ, она, замѣчаю, все болѣе и болѣе грустить и плачетъ по покойнымъ.

— Ахъ, не обвиняй меня, Викторъ! вскричала мужу Антонина, поднося носовой платокъ къ заплаканнымъ глазамъ,—этого можетъ быть бы не было, если бы онъ умеръ естественной смертію...

— Развѣ мужъ вашъ самъ себя лишилъ жизни?...

— Да, вѣроятно, въ припадкѣ меланхоліи,—отвѣчала она,—но, ради Бога, оставимъ этотъ тяжелый для меня разговоръ... Вашъ кофе простылъ...

Умоляющій тонъ молодой женщины заставилъ меня прекратить вопросы, которые я хотѣлъ ей сдѣлать. Вслѣдствіе этого я остался въ недоумѣніи о личности ея перваго мужа. Разговоръ пошелъ о постороннихъ предметахъ. Буринскій сообщилъ мнѣ, что они въ этотъ же день собираются ѣхать въ К—скъ. Я не сталъ обременять ихъ продолжительностью своего визита и, при обоюдномъ пожеланіи успѣха на новомъ служебномъ поприщѣ, распрощался съ ними.

III

Въ О—ѣ я также прослужилъ судебнымъ слѣдователемъ не[illegible]го и, благодаря случаю, перемѣстился на эту же[illegible]ность въ Петербургъ. Прошло уже отъ служенія моего въ Гнилушахъ лѣтъ шесть. Я совершенно сталъ забывать всѣ происшествія на должности становаго пристава. Въ числѣ моихъ знакомыхъ въ Петербургѣ была одна вдова генерала Екатерина Дмитріевна Бабикова, съ тремя мальчиками, дѣтьми отъ 8 до 12-ти лѣтъ. Однажды, не помню по какому ли дѣлу, или отъ скуки, я посѣтилъ генеральшу подъ вечеръ. Въ залѣ меня встрѣтили ея дѣти, мои любимцы, ласковые и красивые мальчики, разными привѣтствіями и укоризнами за то, что я долго у нихъ не былъ.

— А безъ васъ, сказалъ средній, черноглазый Сережа, maman наняла намъ новаго учителя Павла Михайло-

вича... Онъ уже не молодой человѣкъ, сѣдой, но какой добрый!... Какъ все объясняетъ,—просто прелесть!... Да, вотъ, и самъ Павелъ Михайловичъ.

Изъ кабинета, или такъ называвшейся у Бабиковой учебной комнаты, въ залу вошелъ мужчина средняго роста. Мы взглянули другъ на друга и какъ бы остолбенѣли: въ новомъ учителѣ, какомъ-то Павлѣ Михайловичѣ, я узналъ своего гнилушинскаго писца Константина Осиповича Павлова, а онъ во мнѣ по всей вѣроятности, бывшаго своего становаго пристава. Константинъ Осиповичъ измѣнился очень мало, онъ только лишь сильнѣе посѣдѣлъ, да одѣтъ былъ поприличнѣе, по современному фасону.

— Ба! какими судьбами? вскричалъ я, подходя къ нему.

— Извините, отвѣчалъ онъ, побѣлѣвъ весь и отступая назадъ, взволнованнымъ голосомъ,—я не имѣю удовольствія васъ знать... Вы, вѣроятно, сочли меня за другое лицо.... Моя фамилія Орловъ, Павелъ Михайловичъ, губернскій секретарь.

Я узналъ Константина Осиповича не только по физіономіи, но и по голосу, однако, не желая дѣлать при дѣтяхъ, въ знакомомъ домѣ сцену, тоже извинился въ своей ошибкѣ, ссылаясь на замѣчательное сходство съ однимъ своимъ знакомымъ, тоже учителемъ; но въ это же время я далъ ему понять, что узналъ его и отрекомендовался судебнымъ слѣдователемъ, произнося свою должность въ сопровожденіи многозначительнаго взгляда.

Это произвело на него большое впечатлѣніе. Онъ смѣшался и, запинаясь, попросилъ у меня мой адресъ.

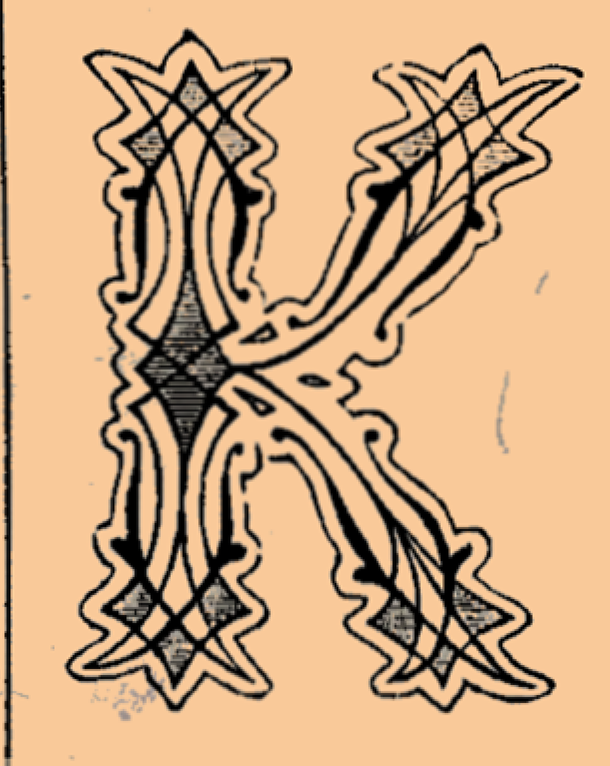
Я далъ ему свою визитную карточку.

Бесѣдуя потомъ наединѣ съ madame Бабиковой въ гостинной, я сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ о ея новомъ учителѣ. Она отозвалась о немъ съ величайшею похвалою и разсказала, что Орловъ рекомендованъ ей однимъ содержателемъ частной гимназіи. По словамъ Орлова и по его документамъ, продолжала madame Бабикова, онъ сынъ священника какой-то дальней губерніи, учился въ семинаріи и по окончаніи курса поступилъ въ гражданскую службу; но служба эта такъ шла у него неудачно, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ не перешагнулъ должности писца и, наконецъ вышелъ въ отставку. Орловъ всегда любилъ много читать, что и вредило его служебнымъ занятіямъ; сдѣлавшись же свободнымъ, онъ вздумалъ учиться сызнова, приплелся кое какъ въ Петербургъ, гдѣ выдержалъ экзаменъ на учителя гимназіи по историческимъ наукамъ и теперь то даетъ уроки, то живетъ въ частныхъ домахъ, въ качествѣ домашняго учителя.

Уходя отъ Бабиковой, я не встрѣтился съ ея учителемъ. «Павелъ Михайловичъ Орловъ!... Павелъ Михайловичъ Орловъ! восклицалъ я дорогою къ себѣ,—что-то знакомое?... Понатуживъ свою память, я вспомнилъ одно обстоятельство, не обратившее на себя моего должнаго вниманія: въ то время, когда я служилъ становымъ приставомъ въ Гнилушахъ, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ Константина Осиповича Павлова, пропалъ пересылавшійся для уничтоженія какого-то умершаго чиновника Орлова аттестатъ объ отставкѣ, на которомъ по оплошности священно-церковнослужителей, гдѣ Орловъ скончался, не было засвидѣтельствованія о его смерти. Я даже припомнилъ, что этотъ аттестатъ я долго отыскивалъ; но такъ какъ онъ въ сущности былъ никому не нуженъ, то я и не сдѣлалъ о пропажѣ его надлежащей публикаціи и всю переписку о немъ пріобщилъ къ наряду дѣлъ, не требующихъ дальнѣйшаго производства.

А. Шкляревскій.

(До слѣдующ. №).



Крисладентъ

ОЧЕРКЪ.

Утро Крещенскаго сочельника. Московскій купецъ Гаврила Семеновичъ Притолкинъ сидитъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ. Одѣтый въ долгополый сюртукъ и дутые сапоги, корпусъ Гаврилы Семеновича можетъ служить представителемъ самой прочной архитектуры, или, выражаясь другими словами, купецъ Притолкинъ нескладно скроенъ да крѣпко сшитъ. Но не смотря на эту прочность, фигура Гаврилы Семеновича носитъ на себѣ отпечатокъ явнаго утомленія. Большая, рыжая, курчавая голова его склонилась на грудь, широкое, красное, украшенное рыжею лопатообразною бородою лицо судорожно искривлено, подъ глазами нависли подушки и дрожащія руки тихо ерзаютъ взадъ и впередъ по колѣнямъ.

— Ихъ! о! о! охъ! икаетъ Гаврила Семеновичъ, поводя кругомъ тусклымъ взоромъ.

— О-о-о! протягиваетъ онъ съ рычаніемъ,—о-о-о! Охъ, батюшки,—бѣда чистая! качая головою, продолжаетъ Притолкинъ,—изжога эта треклятая—у! А все Петръ Кузьмичъ виноватъ: выпей да выпей. Аксеновъ этотъ съ своимъ Яромъ подъ самой Москвой торчитъ... Ухъ! И подъ такой, можно сказать, великій день... Охъ! грѣхи, грѣхи... Испить бы таперь чего, а нельзя, потому до воды не полагается. Икъ-о-о-о!

Въ кабинетъ вошла жена.

— Да что тебѣ, Гаврила Семенычъ, не по себѣ что ли? слышу я, ты икаешь да стонаешь все? спросила она.

— Гмъ... покачалъ головою Притолкинъ.

— Такъ испилъ бы чего...

Притолкинъ молча покачалъ головой.

— Правое слово, выпилъ бы, какъ завсе, графинчикъ-другой кваску, вотъ бы и полегчало.

— Дура ты баба, вотъ што! скрипучимъ басомъ проговорилъ Притолкинъ,—нынче какой день-то? Ай забыла, што до воды ничего нельзя?

— Знаю я, что нельзя, да для болящаго-то разрѣшается...

— Болящій! передразнилъ Гаврила Семеновичъ,—рожа лопнуть хочетъ, хорошъ болящій...

— Мало что—нечего; ужь если грѣхъ такой случился. Боюсь я, какъ бы хуже чего не случилось...

— Каркай, ворона! Икъ, о-о!

— Да я не каркаю, испей, право, я принесу графинчикъ, а?

— Уйди, не смущай!

— Ну, какъ хочешь, проговорила жена и вышла.

Притолкинъ охнулъ и почесалъ затылокъ.

— Вотъ онѣ бабы—всѣ таковы! говорилъ онъ,—имъ все едино, што, примѣрно, сочельникъ, што масляница. А того не понимаетъ, што она говоритъ, а мнѣ пуще... Охъ... Таперь въ двѣнадцать часовъ служба начнется, не сустоишь пожалуй, о-охъ!.. Скорѣй бы ужь. Ништо, урокъ это мнѣ, што я, примѣрно, мальчишка што ли, крендели-то экіе загибать... Небось сына въ пьяномъ разѣ увижу—дуть сичасъ... а самъ?... Вотъ таперь и казнись... Охъ-о! Нѣтъ, я таперь во што: я брошу пить, вовсе брошу, ну ее къ жиду, водку эту и вина-то всѣ. Не буду. Икъ-о! Карахтеръ свой покажу—не стану ни рюмки. У-у-у!

Изъ Кремля раздался благовѣстъ къ службѣ.

Притолкинъ перекрестился и вышелъ изъ кабинета.

— Ты куда? спросила его жена.

— Въ Кремь поѣду. Знаешь ли ты, што я тебѣ скажу? улыбаясь и икая, спросилъ онъ.

— Что такое?

— Я, братъ, больше не пью.

Жена недовѣрчиво посмотр...

— Что-жь, это очи...

— Затѣмъ ...

думаешь, ...

Нѣт... свой

...мантью Сиг-

Принявъ твердое рѣшеніе не пить, Гаврила Семеновичъ ощутилъ восторгъ неописанный. Еще не успѣвъ доказать на дѣлѣ свой «карахтеръ», онъ уже съ самодовольнымъ видомъ ходилъ по комнатамъ, ожидая, когда будетъ заложена лошадь. Мысли его вертѣлись на одномъ: какъ это соберется вся его компанія, какъ будетъ предлагать ему выпить и какъ онъ откажется, категорически заявивъ, что далъ зарокъ не пить. Какъ вся компанія захмѣлѣетъ, а онъ одинъ будетъ трезвъ. Какъ на другой день его вчерашніе компаньоны будутъ, раскаяваясь, говорить ему, что вчера слишкомъ урѣзали, а онъ, снисходительно улыбаясь, не скажетъ имъ слова укора, а отвѣтитъ, что всяко бываетъ, что онъ самъ пилъ когда-то. Какъ наконецъ онъ будетъ служить хорошимъ примѣромъ для своего сына. Въхавши въ Кремль, онъ горѣлъ нетерпѣніемъ увидать поскорѣе кого нибудь изъ знакомыхъ, чтобы сообщить о принятомъ имъ рѣшеніи. Проѣзжая мимо дома своего шурина, Гаврила Семеновичъ увидалъ, что шуринъ съ женою выходятъ изъ воротъ, не утерпѣлъ, остановилъ кучера и подошелъ къ нимъ. Поздоровались.

— Куда это Богъ несетъ? спросилъ шуринъ.

— Въ Кремь.

— Слышь-кось, Гаврила Семенычъ, опосля воды-то заѣзжай къ намъ,—грибковъ отварныхъ отвѣдаемъ, по посудинкѣ водченки протащимъ,—приглашалъ шуринъ.

— Нѣтъ, это, братецъ ты мой, не ходить, солидно отвѣтилъ Притолкинъ.

— Ну! Што такъ? Да ты заверни, коли грибы не любишь, ай не въ охоту, рыжики, братъ, и грузди у меня отличные соленые, опять же капуста кочанная....

— Это все такъ, а только я, братъ, не пью.

Шуринъ сдѣлалъ полшага назадъ.

— Давно ли? спросилъ онъ.

— Гмъ... Да какъ тебѣ сказать... Совсѣмъ, братъ, бросилъ.

— Вотъ какъ... протянулъ шуринъ.

— Што, братъ, хорошаго,—покачалъ головою Пр... толкин...—все это пустошь, все ни къ чему ни ведетъ.

— ...о точно, братецъ, вмѣшалась сестра Гаврилы Семеновича,—что хорошаго, въ этомъ разѣ кажинный хорошій человѣкъ всяческое благообразіе теряетъ.

— Одно дѣло, согласился Притолкинъ.

— Такъ вотъ ты какъ! процѣдилъ шуринъ.

Разставшись съ родственниками и сѣвъ въ сани, ...рила Семеновичъ былъ внѣ себя отъ радости.

Пріѣхавъ въ Кремль и отпустивъ кучера, Гаврила Семеновичъ какъ разъ наткнулся на троихъ своихъ компаніоновъ, здороваясь съ которыми, онъ рѣшалъ въ головѣ вопросъ: объявить ли пріятелямъ тотчасъ о своемъ

рѣшеніи, или сообщить по окончаніи службы, въ трактирѣ. Послѣднее показалось ему эффектнѣй и онъ умолчалъ.

Служба въ Кремлѣ окончилась, народъ толпами расходился во всѣ стороны, шелъ и Гаврила Семеновичъ съ тремя своими пріятелями, направляясь къ трактиру.

— Ну, братцы, говорилъ Петръ Кузьмичъ, усаживаясь къ столу въ трактирѣ,—и урѣзали же мы вчерася съ Гаврилой Семенычемъ, я еле отдышался нынче.

— Экъ васъ подъ сочельникъ-то дернуло! засмѣялся Ѳедулъ Никитичъ и приказалъ половому подать графинъ водки.

— Гдѣ же это вы были-то? спросилъ четвертый компаніонъ, Сергѣй Матвѣичъ.

— Да што, братъ, дѣло такое подсунулось: по одной, да по другой, да по третьей, ну и насвистались, а тамъ и въ Яръ угодили, пояснялъ Петръ Кузьмичъ.

— Все это, братцы, чушь, глупость одна, замѣтилъ Притолкинъ.

— Ого, какъ разговариваетъ! Ну-ка, берись за рюмку-то.

— Нѣтъ, не берись, лаконически отвѣтилъ Гаврила Семеновичъ.

— Што, ай со вчерашняго-то нутро не принимаетъ? шутилъ Петръ Кузьмичъ,—а ты будя кочевряжиться-то, одну выпьешь, другая сама проскочитъ.

— Нѣтъ, не выпью: я, братцы, бросилъ.

Компаньоны поставили на столъ поднятыя рюмки.

— Бросилъ? недоумѣвалъ Сергѣй Матвѣевичъ.

— Елесничаетъ! замѣтилъ Ѳедулъ Никитичъ.

— А ты коли бросилъ—подымай, посовѣтывалъ Петръ Кузьмичъ,—а то кто найдетъ и спасиба не скажетъ. Ну, берись смѣлѣе, чего держишь-то всѣхъ?

— Нѣтъ, братцы, право не стану, бросилъ, зарокъ далъ не пить, пояснялъ Притолкинъ,—вотъ чайку это тапера наше дѣло,—и Гаврила Семеновичъ приказалъ половому подать себѣ чаю.

— Ну, братцы, выпьемте, предложилъ Петръ Кузьмичъ,—это онъ такъ. Завидки возьмутъ, самъ запроситъ.

Компанія выпила.

— Да ты што, взаправду бросилъ? обратился къ Гаврилѣ Семенычу Ѳедулъ Никитичъ.

— Ей-ей, вправду бросилъ.

— Што-жь ты этимъ доказать хочешь? Тутъ хорошаго мало

— А пить-то много хорошаго?

— Это дѣло девятое. Ты Силантья Степаныча знаешь?

— Подошвина? знаю.

— Ну, вотъ тебѣ, это, братъ, человѣкъ: онъ тебѣ рюмку, другую, третью—пять выпьетъ, а какъ только замѣтилъ, што въ головѣ шумѣть начинаетъ—баста, и ужь ты ничѣмъ его не урезонишь, не станетъ пить. Вотъ это человѣкъ есть. А это што, примѣрно, за мущина: водку на столъ подали, а онъ бѣжать отъ стола. Это значитъ карахтеру нѣтъ, трусость одна, съ собой совладать не можетъ.

— Это вѣрно, согласился Сергѣй Матвѣевичъ.

— Ну-ко я налью, а онъ поломается, да гляди и выпьетъ, сказалъ Петръ Кузьмичъ.

— Теперь ты пришелъ въ трактиръ съ компаніей, и холоденъ, и голоденъ, ты до этихъ поръ не ѣвши и вчера побаловался малость, тутъ слѣдъ выпить. Для насъ съ тобой пять-шесть рюмокъ ничего не составляютъ. Одно слово—тьфу! А ты сидишь и жмешься и выпить тебѣ хочется, и не пьешь ты самъ не знаешь почему. Такъ себѣ, самъ не знаешь, какого-то козыря изъ чужой колоды играешь. Такъ-то. Давай-ка, братъ, выпьемъ, значитъ и отъ компаніи не отстанешь, и все какъ слѣдовательно будетъ,

Гаврила Семеновичъ въ душѣ согласился съ доводами пріятеля, къ тому же и выпить ему очень хотѣлось.

— Да вѣдь я, братцы, не то што водки боюсь, а по моему какъ быдто такъ: пить такъ пить, а то и совсѣмъ не браться...

— Ну, будетъ лясы-то да балясы точить, перебилъ его Петръ Кузьмичъ,—а ты помни: пьяный проспится—дуракъ никогда.

Выпили.

— Ну-ко еще—догоняй.

— Да нѣтъ, братцы...

— Догоняй, догоняй!

Притолкинъ, чтобы догнать пріятелей, выпилъ одинъ.

— Теперь вмѣстѣ, предложилъ Петръ Кузьмичъ, наливая рюмки.

— Это уже тово.... началъ было Притолкинъ.

— Ничего не тово, а ты вали.

Выпили.

— Дай-ка еще графинчикъ, приказалъ Сергѣй Никитичъ.

Второй графинъ былъ поданъ и опустошенъ подобно первому. Новая выпивка на старыя дрожжи сильно повліяла на Гаврилу Семеновича.

— А я... братцы—тово... заплетая языкомъ, говорилъ онъ,—ей-ей.... тово.... я въ экомъ разѣ.... къ женѣ.... не поѣду.... потому.... зазорно—не пью.... и.... тово....

— А ты полно—тово, махай-ка, ну!

Выпили.

— А што, господа, предложилъ Ѳедулъ Никитичъ,—давай-ка-теся здѣся отобѣдаемъ, а?

Предложеніе было принято, за обѣдомъ выпито еще и еще и къ концу обѣда вся компанія была, какъ говорится, готова.

— Братцы, дернемъ въ Паркъ! крикнулъ Петръ Кузьмичъ.

— Въ само[illegible] ровѣтримся молость, согл[illegible]сился Ѳедулъ Никитичъ.

Послали за лошадьми и скоро компанія на борзой тройкѣ мчалась по направленію къ Парку.

— Ну, што же будемъ здѣся дѣлать? спрашивалъ Ѳедулъ Никитичъ, входя въ залъ ресторана.

— Глинтвейнчику хватимъ, предложилъ Петръ Кузьмичъ.

Выпили по стакану глинтвейна и потребовали еще.

Неподалеку за другимъ столомъ сидѣла еще компанія, тоже достаточно урѣзавшая, молодой купчикъ изъ той компаніи подошелъ и поздоровался съ нашимъ героями.

— Кто [illegible] вами сидитъ? спросили его.

Купч[illegible]и иныхъ и [illegible] компаніоновъ и въ концѣ приба[illegible]

— Криспадентъ! перебилъ Притолкинъ,—давай сюда криспадента, гдѣ онъ? хочу криспадента!

— Давай криспадента! поддержала компанія.

Корреспондентъ былъ приглашенъ. Къ столу подошелъ молодой человѣкъ, шикарно одѣтый съ пенснэ на носу.

— Криспандентъ! наше почтеніе, садитесь.

— Благодарю васъ, господа, я... отнѣкивался тотъ.

— Криспадентъ, не обижай, взявъ молодаго человѣка за руку, чуть не съ съ сокрушеніемъ упрашивалъ Притолкинъ, — криспадентъ, будь другъ, садись рядомъ со мной.

Подали стулъ, корреспондентъ сѣлъ.

— Криспадентъ! давай пить шампанское. Давай шампанскаго, хрошшаго шампанскаго, рррредерру.

Выпили шампанскаго.

— Ввы... криспадентъ будете? спрашивалъ Петръ Кузьмичъ.

— Да.

— Ввы.... ммосковскій?.... Въ Москвѣ?...

— Нѣтъ, я петербургскій.

— Ппи...тиир...бурскій.... выпьемте!

Корреспондентъ былъ уже достаточно урѣзавши, но выпилъ.

— Криспа...дентъ! Насъ... Петер...бурхъ... знаетъ... вы крис...падентъ... это понимайте... Шампанскаго!

— Криспадентъ! кричалъ Притолкинъ,—криспадентъ о томъ... што... здѣся виддишь—ммолчокъ...

— Понятно.

— Слышь, криспадентъ, яя ттеббѣ ббуду благодаренъ. Криспадентъ, выпьемъ!

Компанія корреспондента собралась уѣзжать, купчикъ пригласилъ его.

— Прочь! крикнулъ Притолкинъ,—криспадентъ нашъ, криспадентъ съ нами поѣдетъ! Прочь! Ммы криспадента предоставимъ.

Компанія корреспондента уѣхала.

— Криспадентъ, давай поцѣлуемся.

Долго пропировала компанія, компаньоны потеряли всякое сознаніе и помнили только, что съ ними сидитъ «криспадентъ», всѣ потеряли способность говорить и только еле-еле то одинъ, то другой выкрикивали: «криспадентъ, выпьемъ! криспадентъ, поцѣлуемся! криспадентъ—молчокъ!» Пьянъ былъ и корреспондентъ.

Уже начинало брезжить утро, когда бѣшеная тройка нашей компаніи влетѣла въ Москву.

— Криспадентъ, ко мнѣ! заоралъ Притолкинъ.

Развезши товарищей, Притолкинъ съ корреспондентомъ явились къ себѣ.

— Криспадентъ, иди! пригласилъ хозяинъ.

Хозяинъ и гость вошли въ спальную, гдѣ сномъ праведнымъ покоилась супруга Гаврилы Семеновича Марья Степановна. Корреспондентъ было попя[illegible]

— Стой, криспадентъ! ты м[illegible]

вмѣстѣ ляжемъ, крикн[illegible]

пановна, убирайс[illegible]

Та съ н[illegible]

— [illegible] здѣся

бу[illegible]

— Уйди отсель, здѣсь мы съ криспадентомъ ляжемъ Уйди!...

— Да какъ же я уйду, когда посторонній мущина здѣсь

— Ничего.... это криспадентъ. Криспадентъ, выйди на минуту.

Корреспондентъ вышелъ.

— Безстыжіе твои глаза! собирая пожитки, сѣтовала Марья Степановна,—а еще говорилъ: пить не буду...

— Нельзя, потому—криспадентъ.

Наконецъ Притолкинъ и корреспондентъ улеглись.

—

Одиннадцать часовъ утра. Гаврила Семеновичъ открылъ глаза и съ недоумѣніемъ увидавъ лежавшаго рядомъ молодаго человѣка. Мало по малу онъ вспомнилъ вчерашнее. Открылъ глаза и корреспондентъ.

— Криспадентъ, проснулся? спросилъ Притолкинъ.

— Охъ, какъ вчера сильно подкутили! проворчалъ тотъ

— Ничего, молчи, криспадентъ, давай вставать, сейчасъ поправимся.

Новые пріятели встали, умылись и вышли въ кабинетъ

— Криспадентъ, какъ думаешь, по одной рюмкѣ водки надоть протащить? а? спросилъ Притолкинъ.

— Да, не мѣшаетъ, а то голова трещитъ—смерть.

— Эй, кто тамъ есть! крикнулъ хозяинъ.

Вошла старуха нянька.

— Чаю што ли угодно? спросила она.

— Давай чаю, да давай водки и закусить чего нибудь приказалъ Притолкинъ.

Нянька злобно посмотрѣла на гостя и вышла.

Подана была закуска и хозяинъ съ корреспондентомъ выпили по одной, по другой и такъ далѣе. Первый графинъ смѣнился вторымъ; въ это время пріѣхалъ къ обѣду шуринъ Притолкина и, войдя въ кабинетъ, остановился въ недоумѣніи.

— Гаврила Семенычъ, да вѣдь ты не пьешь, сказалъ онъ.

— Нельзя, потому—криспадентъ.

Шуринъ взглянулъ на гостя, подалъ ему руку и спросилъ, давно ли и надолго ли тотъ пріѣхалъ.

— Развѣ... вы... знакомы? освѣдомился Притолкинъ

— Какъ же, я, когда бываю въ Петербургѣ, всегда отправляю товаръ чрезъ ихъ контору.

— Какую конто[illegible] криспадентъ...

— Ну да, корреспондентъ въ транспортной конторѣ

— Криспадентъ! ты... ммeня... ннадулъ...

— Чѣмъ же?

— Я ддумалъ... тты... пишешь статейки... а ты выходитъ... жуликъ!

— Позвольте! вскочилъ корреспондентъ.

— Пшолъ вонъ! пока я тебя... нне... вздулъ! Нну вонъ! вскакивая съ мѣста, крикнулъ Притолкинъ, бросаясь на корреспондента.

Шуринъ удержалъ Гаврила Семеновича, а корреспондентъ тѣмъ временемъ задалъ тягу.

— Што ты, што ты? говорилъ шуринъ,—опомнись

— Ннѣтъ! Зачѣмъ я его... прриинялъ... за криспадента, который статьи сочиняетъ, а? Зачѣмъ я напился когда я зарекся, а? Это все криспадентъ виноватъ.

И. В.

ЕЛЕГРАММЫ

«РАЗВЛЕЧЕНІЯ»

ЕФРЕМОВЪ. Предлагаемъ московскому Обществу охоты поохотиться у насъ въ городѣ на волковъ, которыхъ держитъ для своей потѣхи коммерсантъ Дуропечинъ и выпускаетъ ихъ на улицу пугать лошадей и людей.

—

ХАРЬКОВЪ. Нельзя ли купить въ Москвѣ шапку-невидимку? За цѣной не постоимъ: у насъ не хочетъ платить одинъ коммерсантъ, такъ ему желательно улизнуть отъ кредиторовъ незамѣченнымъ.

—

СЕРПУХОВЪ. Живемъ весело, только и слышно и днемъ, и ночью на улицахъ: «Вдоль по улицѣ Варваринской проходилъ мужикъ Камаринскій», да:

«Гей цыганы
Оборваны
Въ полѣ кочевали;
Купцы пьяны
Имъ въ карманы
Денежки совали.»

—

ЯРОСЛАВЛЬ. У насъ на всѣхъ перекресткахъ останавливаютъ съ предложеніемъ: не угодно ли привить оспу; многіе принимаютъ это за святочную шутку, а мужички, думая, что ихъ зовутъ выпить за взятіе Плевны, благодарятъ: на свои выпили.

—

ТАМБОВЪ. Ни проходу, ни проѣзду нѣтъ по городу отъ снѣгу. Утѣшаемъ себя тѣмъ, что авось весной растаетъ.

—

КАЛЯЗИНЪ. Дума предположила къ лѣту сдѣлать ассигновку на починку нашего пожарнаго обоза, у котораго на дняхъ у трубы послѣднее колесо развалилось, а бочки съ лѣта всѣ разсыпались.

—

Станція ОТТЯГАЕВКА. Л. Р. Ж. Д. Намъ обѣщали къ празднику наградныхъ; но добрый нашъ радѣтель вмѣсто нея, заботясь о нашемъ здоровьѣ, предложилъ намъ даромъ привить намъ оспу.



МОЗГОЛОМНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ФИЛОСОФА ИЗПОДТИШКИНА.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Высокоуважаемые слушатели! Съ сугубой радостію выступаю я на кафедру сію, мня сдѣлать изъ нея разсадникъ пониманія и просвѣтлѣнія. Хотя пройденные мною курсы риторики, философіи, элоквенціи и иныхъ возвышающихъ душу наукъ даютъ мнѣ нѣкоторыя права и смѣлость на самомнѣніе, но, высокоуважаемые слушатели, я, понимая важность принятой мною на себя обязанности, далъ себѣ слово таковое: не прежде выступлю я предъ моими слушателями, сказалъ я самъ себѣ въ глубинѣ души своей, доколѣ предметъ каждаго разсужденія не взвѣ[illegible] вѣсахъ мозголомія и не пропущу чрезъ горнило разумѣнія. Сіе есть основаніе моихъ отношеній къ вамъ и къ наукѣ и въ семъ упованіи начинаю я свою первую лекцію.

И такъ, высокопочитаемые слушатели, помните, что колико почтенъ тотъ, кто со всеусердіемъ и стараніемъ поучаетъ, толико почтенъ и поучающійся, вниманіемъ платящій поучающему; не нарушайте же тишины собранія ни харканіемъ, ни с[illegible]рканіемъ, ниже зѣвотою, ибо я начинаю.

Даю вамъ время [illegible] пяти минутъ для удовлетворенія ну[illegible]совъ и гортаней вашихъ и иныхъ н[illegible]

Гмъ.... Лгутъ и сугубо лгутъ новѣйшіе историки, купно доказуя, что на мѣстѣ града сего, Москвою нарицаемаго, во вся дни былъ боръ непроходимый, доколѣ не началось имѣніе боярина Кучки, изъ коего произошелъ градъ сей, доказавшій, что отъ кучки можетъ произойти градъ велелѣпный, можетъ произойти и куча необъятная. Былъ ли на семъ мѣстѣ боръ или ранѣе его существовало тутъ племя, угасшее подобно другимъ племенамъ, и уже послѣ на мѣстѣ семъ возросъ боръ? Вотъ вопросъ, который занялъ меня, какъ и всякаго ученаго занять долженъ.

Собратъ мой по профессіи, Аристотель, поучаетъ, что къ разрѣшенію каждаго вопроса слѣдуетъ подходить путемъ индукціи, сирѣчь на основаніи изученія частностей полагать мнѣніе объ общемъ. Принявъ за основаніе положеніе собрата моего Аристотеля, усиленно занялся я разрѣшеніемъ вопроса: «существовало ли ранѣе насъ какое либо племя на мѣстѣ семъ?» Занялся, услаждая себя мыслію, что достигну благопріятныхъ результатовъ, ибо никакой трудъ не остается безъ награжденія. И какъ открывшій разстояніе луны отъ земли не менѣе меня ученый Коперникъ, пораженный открытіемъ, воскликнулъ къ другу своему, прося его окончить рукопись, ибо самъ былъ въ превеликомъ волненіи, такъ и я возопилъ, за неимѣніемъ близъ себя какого друга, къ кухаркѣ своей тако: «О, я счастливѣйшій изъ смертныхъ! я открылъ великую истину, я позналъ то, что было до Москвы и даже то, что было ранѣе того!» Но сія простая женщина приняла вопль мой какъ продуктъ возліянія виннаго и не дала отвѣта. И такъ великое и сугубо великое открытіе было сдѣлано. Лгутъ, повторяю я, новѣйшіе историки, доказуя неправильно, что до Москвы издревлѣ существовалъ боръ на мѣстѣ семъ. Нѣтъ, высокопочитаемые слушатели, ранѣе бора, возросшаго послѣ на мѣстѣ семъ, жило племя, Гласноразинями именуемое. Гласноразини были народъ воинственный и вельми храбрый и колико доблестный во браняхъ, толико же и въ наукахъ преуспѣянный. Управленіе, которому подчинялись Гласноразини, было смотря по обстоятельствамъ различно, но во вся дни существованія Гласноразинь вожденіе за носы было непремѣннымъ условіемъ ихъ благоденствія. Высокоумный народъ сей имѣлъ сношенія со всѣми странами, въ коихъ наука процвѣтала, и многіе оставшіеся отъ нихъ памятники свидѣтельствуютъ о томъ. Памятники сіи получили новыя названія и утратили свое прежнее значеніе, но я, занявшись вопросомъ симъ, разгоню мракъ и возстановлю памятники древней учености. Начну я съ перваго памятника, нынѣ кл[illegible]мъ артезіанскимъ нарицаемаго. Что есть кладезь артезіанскій? Не доказала ли намъ безуспѣшность усилій науки новѣйшей, что это миѳъ. Но вотъ что свидѣтельствуютъ о немъ факты. Существовало когда-то племя Ерундистовъ. Нынѣ Ерундисты разсѣяны по лицу земли, но было время, когда народъ сей существовалъ вкупѣ и былъ въ мозголоміи зѣло искусившійся. Въ одно время правитель Ерундистовъ высокоученый халифъ Бабиносъ-аль-Сумбуръ, пришелъ къ Гласноразинямъ и бывъ принятъ съ почестями, повѣдалъ тако: «Народъ мой ученъ, но малъ и безсиленъ, вы же учены, но храбры и доблестны, хочу послужить вамъ научно, вы же послужите наукѣ богатствомъ и доблестію».—Рады, душевно рады! отвѣтствовали Гласноразини,—но предложеніе твое тогда принять можемъ, когда примешь нашъ обычай.—«Какой обычай сей?» вопросилъ халифъ Бабиносъ.—Прежде нежели вступимъ съ кѣмъ въ сношенія, тотъ долженъ поводить насъ за носъ, отвѣтствовали Гласноразини.—«Хотя обычай сей и вельми страннымъ для меня показывается, сказалъ Бабиносъ,—но ради науки могу принять его». Принявъ обычай сей и поводивъ за носы нѣкое время Гласноразинь, халифъ Бабиносъ вопросилъ ихъ: — «Вѣдомо ли вамъ, что въ древней Греціи былъ великій ученый Архимедъ?»—Вѣдомо. — «Вѣдомо ли вамъ, что Архимедъ сей сказалъ: дайте мнѣ точку опоры и я поверну весь міръ?» — И это вѣдомо. — «О, Гласноразини! возопилъ тогда Бабиносъ,—я вамъ повѣдаю, что было далѣе и что было послѣ сего и что должно произойти послѣ того. Твердо увѣренный въ истинѣ своего ученія, великій Архимедъ сталъ отыскивать точку опоры и, думая, что отыскалъ таковую, взялъ оглоблю тележную и водрузилъ ее въ землю греческую. Міра Архимедъ не повернулъ, но истина его ученія непреложна, а посему и дыра, произведенная оглоблей, должна быть почтенна. О, недолѣзаемо хитроумные Гласноразини! нынѣ, увы, наука падаетъ въ Греціи, я съ моимъ народ[illegible] безсиленъ, вооружитеся со мною, нападемте на Гр[illegible]ю, отнимемъ у нея великую дыру и съ великими поч[illegible]тями перенесемъ ее на стогны ваши. Примите вы мое предложеніе и я приму обычай вашъ и готовъ сколько угодно водить васъ за носъ». Такъ закончилъ ученый халифъ рѣчь свою. Съ радостію приняли Гласноразини ученое предложеніе, началось веселіе, пляски и игранія разныя. Вооружась, Гласноразини подъ предводительствомъ Бабиноса напали на Грецію, отняли великую дыру и съ почестями на раменахъ перенесли ее на стогны свои и зарывъ многое количество талантовъ въ землю, веселилися купно съ Ерундитами.

Вотъ что гласитъ намъ преданіе о происхожденіи дыры, нынѣ артезіанскою именуемою.



Рабески

Вступленіе — Курскіе соловьи и Холмскіе воробьи. — Пиѳіи журналистики. — Предсказанія Брюса. — Сугубое трясеніе мозговъ.— Ерунда или искусство для искусства — „Свѣтъ“ и тѣни.

Ровно въ 12 часовъ ночи на первое января, сего 1878 г., неумолимый старый обжора Сатурнъ проглотилъ, какъ устрицу, свое родное 1877 дѣтище —и пообѣщался сдѣлать въ свое время, таковое же дѣйствіе и съ новорожденнымъ 1878 младенцемъ, появленіе котораго, подъ именемъ «Новаго года» такъ радушно привѣтствуется теперь добрыми людьми, благоразумно забывающими, что ихъ привѣтствіе «новорожденному» составляетъ не совсѣмъ гармоничный аккордъ въ общей массѣ звуковъ лироваго похороннаго марша, наигрываемаго невидимыми силами, каждую ночь на новый годъ, когда во всемъ потрясающемъ величіи встаетъ предъ нами грандіозный, пугающій человѣческу[illegible]сль образъ вѣчнаго символа, не знающаго ни къ ко[illegible] и ни къ чему ни пощады, ни состраданія...

Я ничего на землѣ не щажу,
Къ небу пощады не знаю;
Вѣчный старикъ, я свой путь прохожу,
Смерть за собой оставляю...

говоритъ неотразимый призракъ, появленіе котораго передано намъ поэтомъ слѣдующими словами:

Слѣдъ его ногъ былъ отмѣченъ кругомъ
Пылью минувшихъ столѣтій;
Передъ изрытымъ вѣками челомъ
Мы присмирѣли, какъ дѣти!... (*Беранже*).

Предпославъ моей бесѣдѣ такое не совсѣмъ веселое вступленіе, сущность котораго составляетъ мое убѣжденіе, я не считаю возможнымъ, въ смыслѣ понимаемаго мною приличія и собственнаго къ себѣ уваженія, *поздравлять* моихъ читателей съ «новымъ годомъ» —и тѣмъ, къ полному моему удовольствію, избавляю себя отъ обязанности «благожелать» кому бы то ни было «долгихъ и счастливыхъ дней» и тому подобныхъ никогда неискреннихъ «благоглупостей». Взамѣнъ обычнаго потертаго вѣками привѣтствія, я начинаю мою беспристрастную хронику *историческими* словами великаго лѣтописца: «Отцы и братіе! молю убо васъ, еже аще недописахъ что, или переписахъ, или брата моего ненарокомъ зацѣпихъ, молю: чтите, исправляючи, Бога деля, а не кляните»...

Занавѣсъ поднимается. На сценѣ виденъ «благоустроенный» земскій садъ: деревья «глубокомыслія» подвиты искуснымъ парикмахеромъ—иностранцемъ, дорожки посыпаны *золотымъ* пескомъ, всюду благоухаютъ цвѣты «краснорѣчія»; успокоительно журча пробѣгаютъ между деревьями «рѣчки и ручейки общественныхъ дѣлъ», даря благодатной тѣнью и прохладой; въ глубинѣ «аллей неразрѣшимости» пріютились роскошные «гроты упорнаго молчанія», обстановленные «скамьями абсолютной безпечности»; «фонтаны забвенія» и знаменитые пернатые пѣвцы, именуемые «Курскими соловьями», довершаютъ очаровательную картину земскаго «благоустроеннаго» сада. Вотъ одинъ изъ группы пернатыхъ пѣвцевъ, услаждая слухъ посѣтителей прекраснаго сада, «защелкалъ, засвисталъ на тысячу ладовъ» — и въ этихъ чудныхъ треляхъ, прищелкиваніяхъ, присвистываніяхъ и переливахъ, ясно послышалась человѣческая рѣчь, полная благоразумія и свободы. Онъ пѣлъ: «благодаря заботливости земства (т. е. Курскихъ соловьевъ), дѣло образованія народа находится на вѣрномъ пути... Со стороны земства, умственное и нравственное совершенствованіе народа обезпечено, чего, къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать о состояніи *коневодства* въ губерніи... По этому, въ видахъ улучшенія породъ лошадей... (Тутъ знаменитый пѣвецъ просвисталъ самой разсыпчатой трелью), предлагаю учредить земскую *случную конюшню...*» («Русскія Вѣдомости» 1877 г. № 309). Одобрительныя рулады товарищей пѣвца огласили воздухъ и дружное прищелкиваніе пернатой семьи, ясно выражало согласіе обитателей земскаго сада учредить просимую конюшню. Не успѣлъ еще совсѣмъ замолкнуть этотъ благонамѣренный концертъ, какъ дружное щеботанье нѣкоторыхъ птичекъ возвѣстило общему собранію о новомъ пѣніи, выражающемъ необходимость преобразованія въ женскомъ пріютѣ. И полились «игривой волной» веселые мотивы «предложеній», полились и завершились трелью - солоднаго изъ «усладителей», который въ справедливомъ увлеченіи гармоничностію концерта, просвисталъ одну трогательную каватину, которая и на языкѣ прозаиковъ не теряетъ своей чарую[illegible]й слухъ простоты и прелести вотъ ея содержаніе: [illegible]тѣ получаютъ воспитаніе и образованіе жени[illegible]ыхъ образованіе особенно важно, въ [illegible]чнаго факта, что онѣ служатъ [illegible]ческаго!... (Тотъ же № «Рус[illegible]черо—

НОГИ — МѢРИЛО ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Наброски — Кетти Кингъ.


На востокѣ.


Въ Россіи.


Во Франціи.

очарованный пѣніемъ Курскихъ соловьевъ, восклицаю вмѣстѣ съ поэтомъ

«Соловьи, услаждайте мой слухъ!...»

Только что разлетались по своимъ теплымъ гнѣздамъ голосистые Курскіе соловьи, довольные, что называется, «по самое горло» своимъ усладительнымъ пѣніемъ, какъ въ подражаніе имъ, зачирикали Холмскіе воробьи — и зачирикали все о томъ же земскомъ дѣлѣ, которое пробудило на Руси всѣхъ «пернатыхъ» обитателей, начиная съ Курскаго соловья и Холмскаго воробья до двороваго пѣтуха и вороны, считающихъ себя тоже «непремѣнными» членами земской семьи. По словамъ Холмскаго корреспондента «Новаго Времени», (№ 656), въ мѣстномъ уѣздномъ земскомъ собраніи былъ поднятъ вопросъ объ открытіи въ уѣздѣ земскихъ школъ, которыхъ во всемъ уѣздѣ нѣтъ ни одной. Вопросъ не новъ, такъ же какъ не нова и его необходимость, а потому Холмскіе дѣльцы сочли нужнымъ не только не обратить на него никакого вниманія, но выпустили изъ среды своей такого воинственнаго воробья, который, не стѣсняясь, принялся клевать бѣдныя земскія школы, какъ будто бы онѣ не составляли сущности вопроса о народномъ образованіи, а были не болѣе какъ соблазнительные для воробья всходы той «конопельки», за порчу которой ему обѣщали, въ извѣстной народной пѣснѣ, пообщипать «крылья, перья» и т. д. По свидѣтельству корреспондента, этотъ храбрый воробей мотивировалъ свое яростное нападеніе на сельскія школы, тѣмъ, что «въ Россіи всѣ земства, открывшія для крестьянскихъ дѣтей школы, сильно раскаяваются въ своей опрометчивости!!...» При чемъ въ истинѣ своихъ словъ сослался на «какую-то *авторитетную* книгу...» Мы не знаемъ такой книги, въ которой бы почему либо осуждалось народное образованіе вообще, а въ наше время въ особенности, но, вѣря почтенному воробью на слово въ существованіи такихъ убѣжденій, и признавая за авторомъ «авторитетной» книги, изложившимъ эти убѣжденія въ своемъ сочиненіи, новый, оригинальный и, можетъ быть, глубоко-философическій взглядъ на неотразимыя, какъ намъ думается, духовныя потребности человѣка, почтительно просимъ Холмскаго воробья, такъ неистово поѣдающаго наши молодые всходы, прочирикать намъ названіе «авторитетной» книги, дабы мы имѣли возможность пополнить наши скудныя знанія не только въ области общественныхъ интересовъ, но и въ журналистикѣ и литературѣ, гдѣ мы имѣли несчастіе пропустить безъ вниманія такую скрижаль міровыхъ основъ.

—

Послѣдніе №№ нашихъ газетъ прошлаго 1877 года заняты «предсказаніями» о различныхъ міровыхъ собы

НОГИ — МѢРИЛО ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Наброски — Кетти Кингъ.




Въ Англіи.



Въ Америкѣ.



Что вѣроятно будетъ достигнуто міромъ.

тіяхъ долженствующихъ совершиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Одни изъ пророчествъ журнальныхъ волхвовъ XIX вѣка основаны на различныхъ данныхъ, добытыхъ собственнымъ мышленіемъ—и потому заслуживаютъ полнѣйшаго вѣроятія, другія же заимствованы изъ такихъ источниковъ истины, что сомнѣваться въ ихъ совершенствѣ было бы, по крайней мѣрѣ, неразумно. Остановимся на пророчествахъ, не вошедшихъ въ гадательные листы русской журналистики, а скромно помѣщенныхъ въ календарѣ г-на Гатцука. Мы говоримъ о предсказаніяхъ Брюса. По словамъ этого мага, чародѣя и волшебника, съумѣвшаго соединить въ себѣ массу разнородныхъ *званій и знаній*, намъ слѣдуетъ ожидать въ настоящемъ году слѣдующихъ немаловажныхъ событій, а именно: 1-е; Будетъ заключенъ мирный договоръ и союзъ, и 2-е: Произойдетъ великое землетрясеніе. Что касается до перваго предсказанія, то таковое вѣроятнѣе всѣхъ газетныхъ пророчествъ; что же касается до втораго событія, то оно, по всей вѣроятности, ограничится *сугубымъ трясеніемъ мозговъ* въ головахъ нѣкоторыхъ мужей земли русской, что уже, въ нѣкоторомъ родѣ и началось. Такъ графъ Сальясъ, создавъ въ своей «Мадоннѣ» (зри «Русскій Вѣстникъ»), пылкаго гусара Хорвата и не менѣе пылкую княгиню Агарину, пылающихъ страстной любовью другъ къ другу, ставитъ ихъ въ такое *ужасное* положеніе, передъ которымъ меркнутъ всевозможныя бѣдствія землетрясенія. Чтобы сколько нибудь уяснить читателю силу «трясенія мозговъ», автора «Мадонны» и проистекающую отъ сего невѣроятную «безъисходность», созданныхъ графомъ Сальясомъ лицъ, позволяю себѣ вообразить такую почти невозможную сцену:

Хорватъ (*княгинѣ*). Ваше Сіятельство! Вотъ уже *три мѣсяца*, какъ мы шляемся по дремучимъ, но цѣломудреннымъ лѣсамъ «Русскаго Вѣстника»—и говоримъ другъ другу непотребныя рѣчи, а толку все нѣтъ какъ нѣтъ!...

Княгиня. Я еще въ первой части нашего романа сказала, что *я твоя*... Что же тебѣ еще нужно?...

Хорватъ. Да, правда, ты это говорила... Но твой мужъ?

Князь Агаринъ. Да, ну васъ къ черту!...

Хорватъ (*смотря въ «инструкцію дѣйствій», выданную ему «для руководства» графомъ Сальясомъ*). Я бы давно всей этой галиматьѣ конецъ сотворилъ, да признаться сказать, не позволено...

Княгиня. Такъ что же ты, мой милый, обвиняешь другихъ и орешь на насъ, какъ пьяный сапожникъ?...

Хорватъ. А потому я такъ ужасно веду себя, что графъ Сальясъ посадилъ въ меня *«что-то такое громадное, страшное, точно звѣрь какой о ста головахъ*.

и онъ-то вотъ будто оретъ дикимъ голосомъ»... (См. 2-ю часть романа).

Читатель. Позвольте узнать, господа: къ чему ведетъ вса эта ерунда?

Авторъ романа. Это не ерунда, милостивый государь! А это «искусство для искусства»! Т. е.: *художественное творчество*, допускающее въ своихъ произведеніяхъ образы и дѣйствія, не существующіе въ дѣйствительности и даже нарушающіе гармонію и строй этой дѣйствительности, но...

Довольно!

Второй примѣръ «сугубаго трясенія мозговъ» изображаютъ намъ два другіе ученые мужа, шествующіе по стезѣ россійской философіи.

Въ VI выпускѣ журнала «Свѣтъ» г. Аленицинъ весьма успѣшно, хотя нѣсколько и попатужась, доказывалъ, что въ природѣ *не существуетъ нуля*,—что это не болѣе какъ фикція. На такое безъапелляціонное рѣшеніе г-на Аленицина не замедлилъ, въ томъ же журналѣ, откликнуться и другой жрецъ С.-Петербургской метафизики, г. Поповъ, который подтверждая, нѣкоторымъ образомъ, глубокомысленные выводы своего товарища по служенію, говоритъ: «Въ природѣ нѣтъ «нуля», а единица въ природѣ немыслима, хотя по видимому и существуетъ. И «нуль» и «единица» слова, идеи...» и т. д., и т. д. Не погружаясь болѣе въ бездну премудрости современной метафизики, отъ которой, по выраженію г-на Буренина, «можно языкъ высунуть», присоединяемъ къ сказаннымъ выводамъ о «нулѣ» и «единицѣ», глубокомысленныя и до нельзя фаршированныя различной *дичью* публицистическія писанія г-жи Конради, которая, не задумываясь, можетъ написать пять томовъ убористой печати о какомъ угодно ничтожномъ вопросѣ, легко разрѣшаемомъ двумя-тремя словами. Кончая наши наблюденія, мы теперь имѣемъ возможность дать нашимъ читателямъ краткое но вѣрное понятіе о томъ «сугубомъ трясеніи мозговъ», которое ошибочно названо Брюсомъ «великимъ землетрясеніемъ».

Енпе.

Безсонница

„По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ“.
Лермонтовъ.

Все тихо въ столицѣ Османа.
Ночь. Звѣзды горятъ въ небесахъ.
Безмолвно въ чертогахъ султана
Низамы стоятъ на часахъ.

Погашены свѣчи въ шандалахъ,
Свѣтъ въ лампахъ и блѣденъ, и тихъ,
И слышны въ затихнувшихъ залахъ
Порою шаги часовыхъ.

Не видно толпы приближенныхъ,
Не слышится рѣчи людской,
Въ чертогахъ, во мракъ погруженныхъ,
Вкушаетъ все сонъ и покой.

Есть тамъ лишь одинъ не уснувшій,
Одинъ онъ отъ думы не спитъ:
Забывши кальянъ свой потухшій,
Султанъ въ кабинетѣ сидитъ.

Лишилъ его почестей бранныхъ
Россійскій Орелъ, воспаря,
Осталось ему изъ всѣхъ данныхъ
Лишь милость Россіи Царя.

И радъ воротить онъ когорты,
И радъ о пощадѣ молить;
Но нужно «защитникамъ» Порты
Кровавую битву продлить....

Портьеру откинувши рѣзко,
Онъ вышелъ изъ комнаты вдругъ,—
На немъ съ синей кистію феска
И золотомъ шитый сюртукъ.

Скрестивши въ безсиліи руки,
Главу опустивши на грудь,
По заламъ, исполненный муки,
Онъ тихо направился въ путь.

Паритъ его мысль надъ Кавказомъ,
Несется затѣмъ на Балканъ,
То въ Англію кинется разомъ—
И вздрогнетъ убитый султанъ.

И ходитъ онъ съ думой великой,
Дрожатъ ординарцевъ сердца,
Слѣдя за угрюмымъ владыкой
Подъ сѣнію темной дворца.

По заламъ большими шагами,
Понурясь, онъ тихо идетъ,
Друзей называетъ врагами
И гибель отъ дружбы ихъ ждетъ....

Скликаетъ солдатъ онъ и *гази*,
Ихъ хочетъ нещадно карать,
Но въ Плевнѣ, Шипкѣ, на Кавказѣ
Сдалася сраженная рать.

Паши его зова не слышатъ:
Въ тяжелую эту войну